

УДК 81'42+81'38

UDC 81'42+81'38

**АССОЦИАТИВНО-СМЫСЛОВОЕ
ПОЛЕ КАК УСЛОВИЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
К. МЭНСФИЛД «THE FLY»)****ASSOCIATIVE-SEMANTIC FIELD
AS A CONDITION FOR
INTERPRETATION OF A LITERARY
TEXT (BY THE MATERIAL
OF THE STORY
OF K. MANSFIELD «THE FLY»)****К. А. Грак,***аспирант кафедры белорусского
и русского языкознания Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка***K. Grak,***PhD Student of the Department
of Belarusian and Russian Linguistics
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 06.09.2023.

Received on 06.09.2023.

Художественный текст рассматривается с позиции коммуникативно-деятельностного подхода как сотворчество автора и читателя. Выстраивая ряды ассоциаций, читатель определяет концептуальную позицию автора, позволяющую увидеть в тексте не только то, что выражено эксплицитно, но и то, что имеет имплицитный характер. Моделирование ассоциативно-смысловых полей, а также установление логико-смысловых отношений между единицами текста (противопоставления, взаимоисключения, включения и т. д.) дает возможность установить процесс смыслового развертывания текста с целью адекватной его интерпретации.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика; художественный текст; идиостиль; ассоциативно-смысловое поле; временная оппозиция.

The literary text is studied from the position of the communicative-activity approach as the co-creation of the author and the reader. By building a series of associations, the reader determines the conceptual position of the author, which allows him to see in the text not only what is expressed explicitly, but also what is implicit. Modeling of associative-semantic fields, as well as the establishment of logical-semantic relations between the units of the text (opposition, mutual exclusion, inclusion, etc.) makes it possible to establish the process of semantic unfolding of the text for the purpose of its adequate interpretation.

Keywords: communicative stylistics; literary text; idiostyle; associative-semantic field; temporary oppositions.

В рамках коммуникативной стилистики художественное произведение – это не только результат творческой деятельности писателя, но и объект познавательной и ассоциативной деятельности читателя, поскольку интерес к тексту особенно возрастает в связи с усилением внимания к «языковой личности», которая, по мнению Ю. Н. Караулова, «стоит за текстом» [1]. Под языковой личностью понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [1, с. 104]. Осмысление художественного текста как результата активного процесса, имеющего диалогическую природу, требует новых способов изучения совместной деятельности автора и читателя. Одним из таких способов является моделирование ассоциативно-смысловых полей художественного текста.

Цель данной статьи – проанализировать репрезентацию взаимодействующих ассоциативно-смысловых полей (АСП) в произведении К. Мэнсфилд «The fly» как условие его тексто- и смыслообразования. Н. С. Болотнова при исследовании ассоциативного слоя художественных произведений говорит о том, что природа литературы способствует возникновению маловероятных ассоциатов, которые, «эксплицированные вер-

бально в тексте, активизируют речемыслительную деятельность читателя, побуждая его к сотворчеству» [2, с. 34]. По мнению исследователя, ассоциативно-смысловое поле подразумевает «концептуально объединенные лексические элементы на основе их эстетических значений, то есть системных текстовых качеств слов» [2, с. 40]. Стоит отметить, что ассоциативные особенности художественного текста передают не только единицы лексического уровня, поэтому в нашем понимании АСП – это ассоциативная сеть, возникающая в процессе декодирования художественного произведения, составляющими которой являются ядерные и периферийные структуры, ассоциации и их смыслы как результат взаимодействия единиц различных уровней (от фонетического до синтаксического). Следовательно, для интерпретации произведений художественной литературы важно установить парадигматические отношения взаимодействующих структур, расположенных дистантно.

Особенностью ассоциативно-смыслового поля является его зонная структура, однако вопрос о количестве и составе зон считается дискуссионным из-за открытости и взаимосвязи входящих элементов, а также пересечения полей. При моделировании АСП нами выделяются следующие структуры:

- 1) ядро (состоящее из слова, словосочетания или предложения), которое аккумулирует основную информацию и задает направление ассоциатив-

рования, является проецирующей частью АСП. Такая структура, как правило, является инвариантной и не допускает множественных толкований;

- 2) периферия является комментирующей частью АСП и включает отдаленные от ядра единицы, имеющие контекстуальное значение и выражающие индивидуально-авторское восприятие, что способствует полисемантической, множественности толкований, ассоциативным смысловым приращениям;
- 3) текстовые ассоциаты (стандартные, свойственные ядру, и уникальные, характерные для периферии). Каждый элемент текста рассматривается как стимул, способствующий созданию ассоциативной сети, элементы которой «могут эксплицироваться в тексте или существовать имплицитно» [2, с. 19].

Интерпретация художественного произведения – это своеобразный диалог автора и читателя. Л. В. Щерба о диалогичности искусства писал: «Все искусство художника и состоит в том, чтобы направить возможные и необходимые, хотя и нечеткие ассоциации по определенному пути, дело же критики и толкователя – вскрыть эту направленность и указать те выразительные средства, которые употребил в данном случае художник» [3, с. 101]. Понять художественное произведение – значит установить системные связи между единицами текста, а также соотнести его с системой накопленных знаний и со своим тезаурусом, следовательно, тезаурус личности может пополняться при образовании новых ассоциативных связей.

Главным отличительным признаком произведений К. Мэнсфилд является психологизм. Лексико-грамматические и стилистические особенности ее прозы показывают глубину и противоречия мыслей, чувств, переживаний людей XX в. Чтобы оценить уникальный авторский способ изображения действительности, необходимо обратиться к анализу идиостиля писателя, т. е. система содержательных и формальных лингвистических характеристик, свойственных произведениям автора, с помощью которых воплощенный в этих произведениях способ языкового выражения становится очевидным [4]. По справедливому замечанию В. П. Григорьева, «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов», к сущности явной и неявной рефлексии писателя над языком [5, с. 128]. Таким образом, декодирование художественных произведений позволяет изучить картину мира автора, его творческую манеру, а также систему речевых средств, с помощью которых он ведет диалог с читателем. Проиллюстрируем вышесказанное на материале рассказа «The fly» К. Мэнсфилд. Это экзистенциальное произведение с глубоким моральным и социальным смыслом, а также значимым историческим контекстом. При ассоциативном развертывании смысловой структуры художественного текста можем построить следующие ассоциативно-смысловые поля:

1. Отношение отца к сыну, где ядерной структурой определяем *His boy was an only son*. 'Его мальчик был единственным сыном'. На периферии

находятся: *Ever since his birth the boss had worked at building up this business for him; it had no other meaning if it was not for the boy. Life itself had come to have no other meaning*. 'С самого его рождения отец работал над созданием для него этого бизнеса; это не имело бы никакого смысла, если бы не мальчик. Сама жизнь лишилась бы смысла'. Между ядром и периферией устанавливаются логико-синтаксические отношения включения, поскольку мальчик был единственным смыслом жизни для своего отца.

2. Отношение главного героя к смерти сына эксплицируется с помощью противопоставления настоящего и прошлого, памяти и забвения. Первое ядро – *It had been a terrible shock to him*. 'Это был ужасный шок для него'; периферия – *It was exactly as though the earth had opened; the whole place crashing about his head; a broken man, with his life in ruins*. 'Это было точно так, как если бы земля разверзлась; все вокруг рухнуло на его голову; сломленный человек, с его жизнью в руинах'. Второе ядро – *He wasn't feeling as he wanted to feel*. 'Он не чувствовал того, что хотел бы чувствовать', периферия – *only a quiver in his eyelids showed that he heard; Something seemed to be wrong with him; But no tears came yet*. 'Только дрожание век показывало, что он слышит; Что-то, казалось, было не так с ним; Но слез пока не было'. Между ядрами устанавливаются противоречивые отношения: с одной стороны, смерть сына стала сильным ударом, с другой – отец смиряется с утратой спустя время, безуспешно пытается почувствовать хоть что-то. Сравнение смерти сына со сверхъестественными явлениями способствует созданию эффекта сильного эмоционального напряжения: земля разверзлась, весь дом обрушился на голову; кроме того, с помощью ассоциатов подчеркивается неестественность и холод фотографии мальчика в кабинете отца: *the expression was unnatural; was cold, even stern-looking; had never looked like that*. Выражение «*Deeply regret to inform you...*» 'глубоко сожалеем сообщить вам' является пресуппозицией предыдущих событий и имплицитно указывает причину смерти сына, а также тяжелое состояние отца, получившего письмо с фронта.

Пресуппозиция (универсальные, локальные, социальные, культурные фоновые знания) относится к важным факторам текстообразования, является предпосылкой действия мышления, следовательно, ассоциирования [6]. В данном случае наблюдается многомерность художественного текста: состояние отца – следствие событий Первой мировой войны, когда люди, получившие моральные травмы, лишаются возможности эмоционально реагировать на окружающее.

Нахлынувшие воспоминания создают синтаксическую оппозицию несовершенное повторяющееся действие / совершенное результата, где темпоральные ориентиры указывают на необратимость времени: *In the past, in the first months and even years after the boy's death, he had only to say those words to be overcome by such grief that nothing short of a*

violent fit of weeping could relieve him (Раньше, в первые месяцы и даже годы после смерти мальчика, стоило ему произнести эти слова, как его охватывала такая скорбь, что ничто, кроме сильного приступа плача, не могло облегчить его); *Time <...> could make no difference. Other men perhaps might recover, might live their loss down, but not he. But all that was over and done with as though it never had been* (Время <...> не могло иметь значения. Другие мужчины, возможно, могли бы оправиться, могли бы пережить свою потерю, но не он. Но со всем этим покончено, как будто этого и не было). Герой теряет возможность реагировать на окружающую действительность.

3. Ассоциативно-смысловые поля опасность – без-опасность, где первое ядро – *The last blot fell on the soaked blottingpaper, and the dragged fly lay in it and did not stir* (Последняя клякса упала на промокшую промокательную бумагу, а в ней лежала и не шевелилась волочащаяся муха); периферия – *A painful moment of suspense followed* (Последовал болезненный момент неизвестности). Второе ядро – *The horrible danger was over; it was ready for life again* (Ужасная опасность миновала; он снова был готов к жизни); периферия – *The boss took up a pen, picked the fly out of the ink, and shook it on to a piece of blotting-paper* (Босс взял перо, вытащил муху из чернил и стряхнул ее на промокательную бумагу). Между ядерными и периферийными конструкциями устанавливаются отношения пересечения, поскольку герой наблюдает за реакцией мухи на его действия, опасные для ее жизни либо спасающие. Акциональные глаголы (*fell on, took up, picked out, shook on*) активизируют читательские ассоциации, поскольку автор воссоздает жестокие действия и показывает нравственный уровень общества, страдающего от последствий войны. Неакциональные глаголы (*lay, did not stir*) выражают надежду на спасение.

При характеристике элементов рассказа, действующих подобно толчку и нарушающих непрерывность повествования, используется понятие «эффект обманутого ожидания» (по М. Риффатеру). Данный стилистический прием создает сопротивление восприятия, а «преодоление этого сопротивления требует усилия со стороны читателя, поэтому сильнее на него воздействует» [7, с. 108]. В результате варьирования модальных значений, контрастирующих ядер и неожиданного исхода – убийства мухи – в произведении создается «поле напряжения» [8]. М. Риффатер использует понятие

конвергенции, т. е. употребление комплекса средств, находящихся в сложном переплетении друг с другом [9]. При этом И. В. Арнольд уточняет данное понятие, вводя термин стилистическая конвергенция как «схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции» [7, с. 100]. Таким образом, глаголы акциональной / неакциональной семантики, контаминация модальных значений, сочетание экспрессивности и напряженности способствуют ассоциативному приращению смысла – муха восхищает своей борьбой за жизнь, однако погибает так же несправедливо и бессмысленно, как и солдаты на войне.

Ассоциативное расширение получает и название произведения «The fly», формируя различные логико-смысловые отношения с языковыми единицами текста: сопоставления – убийство мухи вызывает шок, как и смерть сына (*The fly was dead. A painful moment of suspense followed*); противопоставления – муха боролась за жизнь, несмотря на неизбежность гибели (*it was ready for life again*); взаимоисключения – шокирующее убийство перестает быть таковым (*Nothing happened or was likely to happen*); пояснения – для облегчения своих страданий главный герой выбирает желание все забыть (*What was it? It was... <...> For the life of him he could not remember*).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Моделирование ассоциативно-смысловых полей художественного текста является одним из способов изучения сотворчества автора и читателя, позволяющего установить концептуальную позицию писателя, его творческую манеру, а также систему речевых средств, с помощью которых ведется диалог с читателем.
2. Идиостиль К. Мэнсфилд характеризуется использованием имплицитных средств, временных оппозиций, глаголов акциональной / неакциональной семантики, варьирование модальных значений, что способствует развитию творческого потенциала читателей.
3. При ассоциативном развертывании смысловой структуры текста наблюдается взаимодействие ассоциативно-смысловых полей, которые вступают в различные логико-смысловые отношения (сопоставления, противопоставления, взаимоисключения, пояснения); кроме того, внутри поля между ядром и периферией также устанавливаются логико-смысловые отношения (контрадикторные, включения и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987. – 261 с.
2. Болотнова, Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте / Н. С. Болотнова; Томский гос. пед. ин-т. – Томск, 1994. – 210 с.
3. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М., 1957. – 187 с.
4. Золян, С. Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля / С. Т. Золян // Язык русской поэзии XX в. : сб. научных трудов. – М., 1989. – 91 с.
5. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля / В. П. Григорьев. – Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1983. – 105 с.

REFERENCES

1. Karaulov, Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov. – M., 1987. – 261 s.
2. Bolotnova, N. S. Leksicheskaya struktura hudozhestvennogo teksta v associativnom aspekte / N. S. Bolotnova; Tomskij gos. ped. in-t. – Tomsk, 1994. – 210 s.
3. Shcherba, L. V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku / L. V. Shcherba. – M., 1957. – 187 s.
4. Zolyan, S. T. Ot opisaniya idiolekta – k grammatike idiiostilya / S. T. Zolyan // Yazyk russkoj poezii XX v. : sb. nauchnyh trudov. – M., 1989. – 91 s.
5. Grigor'ev, V. P. Grammatika idiiostilya / V. P. Grigor'ev. – In-t rus. yaz. – M. : Nauka, 1983. – 105 s.

-
6. Чернухина, И. Я. Общие особенности поэтического текста / И. Я. Чернухина. – Воронеж, 1987. – 157 с.
 7. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов / И. В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
 8. Harweg, R. Die Textologische Rolle der Betonung / R. Harweg // Beiträge zur Textlinguistik. – München, 1971. – B. 1. – P. 139–145.
 9. Riffater, M. Criteria for Style Analysis / M. Riffater // «Word». – 1959. – V. 15. – № 1. April. – P. 154–174.
 6. Chernuhina, I. Ya. Obshchie osobennosti poeticheskogo teksta / I. Ya. Chernuhina. – Voronezh, 1987. – 157 s.
 7. Arnol'd, I. V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij yazyk : ucheb. dlya vuzov / I. V. Arnol'd. – 4-e izd., ispr. i dop. – M. : Flinta : Nauka, 2002. – 384 s.
 8. Harweg, R. Die Textologische Rolle der Betonung / R. Harweg // Beiträge zur Textlinguistik. – München, 1971. – B. 1. – P. 139–145.
 9. Riffater, M. Criteria for Style Analysis / M. Riffater // «Word». – 1959. – V. 15. – № 1. April. – P. 154–174.